

Н.В. Суржикова

ЭКОНОМИКА РОССИЙСКОГО ПЛЕНА 1914–1917 гг.:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ⁴⁰⁵

Российский плен 1914 – 1917 гг. стал первым в отечественной истории опытом столь массового пленения и, соответственно, содержания вражеских военнослужащих и их массового же вовлечения в экономическую жизнь страны. В этой связи едва ли будет преувеличением сказать, что плен стал проблемой, актуальной не только для самих пленных, превращая историю плена в бесконечно многогеройную.

Участие пленных в процессах производства и потребления оказало заметное влияние на актуальное состояние потребительского рынка и рынка труда, а управление обозначенными процессами привело к формированию новых механизмов администрирования в системе общенациональных и региональных хозяйственных связей. Комплекс факторов, свидетельствующих о включенности пленных иностранцев в хозяйственную жизнь страны, позволяет говорить о складывании в пространстве российского плена 1914 – 1918 гг. особого подпространства, которое можно номинировать как пространство экономическое или как экономику плена, которая, как и любая другая экономика, может быть описана в категориях эффективности или неэффективности.

При этом экономика плена интересна не только и не столько сама по себе, сколько как отражение характерных для своего времени (и места) представлений об экономической целесообразности, стратегиях экономического развития и инструментах их реализации, а также возможностях одновременного решения политических и экономических задач. Кроме того, изучение ретроспективной тематики позволит конкретизировать или рафинировать представления о расстановке сил на российском политико-экономическом олимпе, иерархизировать экономические интересы различных групп влияния, рассмотреть характер и динамику их взаимоотношений. В самом общем виде можно сказать, что изучение экономики плена 1914 – 1917 гг., безусловно, актуально для анализа региональных и общероссийской культур производства, культур потребления и экономических культур в целом.

Рассматривая процессы администрирования, производства и потребления в модусе единого, то есть как «величины» интегральные, не следует забывать, что экономика плена во многом была экономикой экспериментальной. Чтобы описать ее в категориях эффективности и неэффективности, уточнения списка отраслей и объектов, где были заняты пленные, а также «реставрации» условий их содержания и обеспечения явно недостаточно⁴⁰⁶. Исследование экономики плена представляется состоятельным

⁴⁰⁵ Работа подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 11-11-66-007а/У.

⁴⁰⁶ Именно в этом духе российский плен изучается большинством отечественных исследователей. См., напр.: *Гордеев О.Ф.* Использование труда военнопленных в Енисейской губернии в годы Первой мировой войны: аспекты международного права // Красноярский край: история в документах: Тез. док. и сообщ. науч. конф. Красноярск, 2004. С. 7 – 13; *Матушак Л.В.* Военнопленные первой миро-

только при условии его полипарадигмальности, обеспечивающей кооперацию и конкурирование нескольких подходов. К ним логично отнести теорию военной экономики и тыла вооруженных сил, теорию мобилизационной экономики и теорию практик. Первая из них, являясь многократно апробированной объяснительной моделью экономического развития воюющих государств, сориентирована на изучение проблем перевода мирной экономики на военный лад, принципов реорганизации производства под влиянием войны, его размещения и структуры, изменений в характере производственных связей, баланса и/или дисбаланса в разработке и выпуске военной и мирной продукции, способов наращивания и сокращения производства, задач промышленности, сельского хозяйства, транспорта, связи, здравоохранения и т.д. применительно к нуждам воюющего общества⁴⁰⁷.

Трудность состоит в том, что две другие теории, задающие исследованию концептуальные рамки, еще не получили тщательного доктринального развития. Обращаясь к концепту мобилизационной экономики, трактуемой специалистами как антипод оптимизационной экономики, следует отметить, что его рождение напрямую связано с опытом экономического развития России в XX в. Неудивительно поэтому, что в числе теоретиков мобилизационной экономики отечественные ученые занимают видное место, расходясь, однако, в трактовках изучаемого феномена. По мнению А. Г. Фонотова мобилизационная модель экономического развития предполагает «развитие, ориентированное на достижение чрезвычайных целей с использованием чрезвычайных средств и чрезвычайных организационных форм»⁴⁰⁸.

С.Ю. Глазьев считает, что мобилизационная экономика является продуктом активного участия государства в хозяйственной жизни страны, причем участия целенаправленного: «...мобилизационная экономика — это такая система регулирования экономической деятельности, которая позволяет обеспечить максимально полное использование имеющихся производственных ресурсов»⁴⁰⁹.

В свою очередь Е.Г. Ясин утверждает, что одним только государственным регулированием суть мобилизационной экономики не исчерпы-

вой войны на Урале // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Междунар. научно-практ. конф. Вологда, 1997. Ч. 1. С. 173 – 174; *Машкова Н.Н.* Использование труда военнопленных в сельском хозяйстве Челябинского уезда Оренбургской губернии в 1916 году // Вест. ОГПУ. Гуманитарные науки. 2001. № 5 (26). С. 141 – 149; *Ниманов И.Б.* Содержание и использование военнопленных в России в годы первой мировой войны (август 1914 — февраль 1917 гг.) // История в культуре, культура в истории: материалы V Сафаргалиевских науч. чт. Саранск, 2001. С. 187 – 199; *Талапин А.Н.* К вопросу об использовании труда военнопленных в 1914 – 1917 гг. (По материалам Омского военного округа) // Омские исторические чт. Омск, 2003. С. 130 – 134; *Шкаревский Д.О.* привлечении немецких военнопленных в сельское хозяйство Сибири в годы Первой мировой войны // «Aus Sibirien-2005»: научно-информационный сб.: Материалы II Междунар. научно-практ. конф. «Стеллеровские чтения». Тюмень, 2005. С. 142 – 143; и др.

⁴⁰⁷ *Шифман М.С.* Война и экономика. М., 1964; *Бартенев С.А.* Экономика — тыл и фронт современной войны. М., 1971; и др.

⁴⁰⁸ Цит. по: *Седов В.В.* Мобилизационная экономика: от практики к теории // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: Материалы Всерос. науч. конф. Челябинск, 2009. С. 7.

⁴⁰⁹ *Глазьев С.* Пора объявлять мобилизацию // Власть. 1999. 20 апр.

вается, а академик Л.И. Абалкин предлагает рассматривать ее как экономику антикризисную, безусловно связанную с чрезвычайными обстоятельствами. Пренебрегая нюансами различных трактовок мобилизационной экономики, следует признать ее эмблематичными чертами, во-первых, приоритетную стимулирующую роль определенных отраслей, и, во-вторых, ориентацию на краткосрочные цели и вне рыночные механизмы их достижения. Очевидно, что в такой модели хозяйствования собственно экономика вторична, в то время как мобилизация материальных, трудовых, финансовых, административных и др. ресурсов первична. В новейшей историографии к числу типичных характеристик мобилизационной экономики причисляется широкое использование принудительного труда. В этой связи изучение экономики российского плена 1914 – 1917 гг. через призму концепции мобилизационной экономики представляется и полезным в том числе и для выработки консенсусного понимания сути этого явления.

Не менее полезным представляется использование в рамках исследования экономики плена 1914 – 1917 гг. наработок так называемой теории практик. Она, породив очередной — «прагматический», «праксиологический» или «критический» — поворот в западной гуманитаристике, противопоставляет представлениям о структурно-функциональной, экономической, социальной или культурной детерминированности деятельности людей картину, на которой процессы воспроизводства и изменений актуальной реальности экспонируются через активную коллективную человеческую деятельность⁴¹⁰.

Настоящая исследовательская перспектива ориентирует историка не на общетеоретический анализ явлений прошлого (как, например, в марксизме), а на исследование практик (usages), понимаемых как искусство решения практических задач в ситуации неопределенности. Такой подход позволяет не только ответить на вопрос, *что* из себя представляла экономика уральского плена 1914 – 1918 гг., но и увидеть, *как* она конструировалась, какие действия, приемы, решения и т.д. сделали ее тем, чем она стала в конечном итоге⁴¹¹.

⁴¹⁰ Волков В.В. О концепции практик(и) в социальных науках // СОЦИС. 1997. № 6. С. 9 – 24.

⁴¹¹ См. подробнее: Греньев Ж.-И. Размышления о «критическом повороте» // Одиссей: Человек в истории. 2005. С. 138 – 151.